

О. А. Барынина

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна (Санкт-Петербург)

Македонский ренессанс как историческая проблема

Понятие «Македонский ренессанс», введенное немецким историком искусства Куртом Вейцманом в 1948 г.¹ при анализе так называемого Свитка Иисуса Навина², продолжает использоваться в исторической науке, но по-прежнему в основном только для характеристики состояния художественной культуры. Так, и О. Демус³, и К. Вейцман с своих дальнейших исследований⁴ определяют ренессансные черты македонского периода как продолжение и «оживление» античных традиций. Такой подход к толкованию понятия «Македонский ренессанс» до сих пор используется в научной литературе⁵. На наш взгляд, невозможно ограничить только эллинизирующими или (и) гуманистическими чертами ренессансные явления. Скорее мы согласимся с мнением И. Шевченко, готового принять «нарочитый термин “Македонский Ренессанс”», если только он не равнозначен “классицизму”, но обозначает, так сказать, всецело улучшенное качество⁶.

Нам уже приходилось говорить о том вкладе, который внесла отечественная школа византиноведения (прежде всего дореволюционная) в изучение одного из самых интересных периодов в истории Византии – времени правления Македонской династии (867–1056 гг.)⁷. Современное состояние как отечественной, так и западной историографии в отношении Македонского ренессанса освещено нами в другой публикации⁸. В настоящей работе нам хотелось бы, обобщив существующие в современной исторической науке точки зрения и мнения, допустить возможность определить Македонский ренессанс не только как период расцвета художественной культуры и эллини-

¹ Weitzmann K. The Joshua Roll: A Work of the Macedonian Renaissance. [Studies in Manuscript Illumination, 3]. Princeton, 1948.

² Joshua Rotulus, Cod. Vat. Pal. gr. 431.

³ Demus O. Die Rolle der byzantinischen Kunst in Europa // JÖBG. 1965. 14. S. 141.

⁴ Weitzman K. The Classical Mode in the Period of the Macedonian Emperors: Continuity or Revival? // Byzantina kai Metabyzanina, I: The ‘Past’ in Medieval and Modern Greek Culture / Ed. by S. Vryonis, Jr. Malibu, 1978. P. 71–85.

⁵ Мишакова И. А. К историографии средневизантийского Ренессанса // Проблемы всеобщей истории: Сб. статей. М., 1974. С. 300–316.

⁶ Шевченко И. И. Перечитывая Константина Багрянородного // ВВ. 1993. Т. 54. С. 26.

⁷ Барынина О. А. Македонский ренессанс в исследованиях отечественных византистов // Российское византиноведение: Традиции и перспективы. Тез. докл. XIX Всероссийской научной сессии византистов. М., 2011. С. 35–36.

⁸ Барынина О. А. Македонский ренессанс в современной историографии // Международная научно-практическая конференция «Петербургские чтения. Русский мир: пути цивилизационных взаимодействий»: Сб. ст. СПб., 2019 (В печати).

зации интеллектуальной жизни, но как явление, затронувшее все сферы общественной жизни империи и предопределившее дальнейшие исторические процессы не только в самой Византии, но и далеко за ее географическими и хронологическими пределами.

Македонский ренессанс стал, с одной стороны, временем концентрации всего того, что мы называем «византизмом» (как это уже отмечено исследователями), а с другой – периодом максимального же впитывания и распространения «синтетических» византийско-арабских черт на другие, формирующиеся культуры¹. Ярким примером всей сложности происходящих в македонскую эпоху процессов может послужить трактовка образа Иисуса Навина, которая нашла свое отражение в памятниках интересующего нас времени.

Тенденции к тому, чтобы оценить период македонского правления как значимый не только в истории искусства, наблюдаются и в современной византистике. Так, А. Камерон считает, что Македонский ренессанс не в меньшей, а, вероятно, в большей степени был временем расцвета литературы, чем расцвета искусства². С ней соглашаются и историки права, говоря о «ренессансном» характере процессов, происходящих в правовой культуре Византии интересующего нас периода³.

Интеллектуальную жизнь империи и отношение к античному наследию в Византии до X в. достаточно подробно проследил еще П. Лемерль⁴. Многое сказано и об интеллектуализме палеологовской эпохи⁵. Историки говорят о нем как о предшествующем и вдохновившем интеллектуальный взлет европейского Возрождения⁶. На наш взгляд, истоки интеллектуального подъема как поздневизантийского, так и общеевропейского, мы можем видеть именно в Македонском ренессансе.

Само понятие «ренессанса» предполагает не только количественные, но и качественные изменения в культуре, и таковые, на наш взгляд, произошли в период Македонского ренессанса. Очевидно, много из достигнутого было

¹ Один из наглядных примеров этого явления может служить распространение так называемого «куфического орнамента» на памятниках этого времени. См.: *Pedone S., Cantone V. The pseudo-kufic Ornament and the Problem of Cross-Cultural Relationships between Byzantium and Islam // Opuscula historiae artium. 2013. Vol. 62. iss. Suppl. P. 120–136.*

² *Cameron A. M. The Byzantines. Oxford, 2006. P. 156.*

³ *Chitwood Z. Byzantine Legal Culture and the Roman Legal Tradition, 867–1056. Cambridge, 2017. P. 182.*

⁴ *Lemerle P. Le premier humanisme byzantin: notes et remarques sur enseignement et culture à Byzance des origines au Xe siècle. P., 1971.*

⁵ Назовем только основные отечественные исследования по этой теме: *Медведев И. П. Византийский гуманизм XIV–XV вв. СПб., 1997; Куц Т. В. На закате империи: интеллектуальная среда поздней Византии. Екатеринбург, 2013.*

⁶ *Cameron A. M. The Byzantines. P. 77.*

утеряно и не стало частью того, что определяло византийскую культуру в дальнейшем, но с учетом тех масштабов исторических процессов, которые связаны с правлением Македонской династии, мы можем говорить о влиянии Македонского ренессанса на последующие исторические и культурные процессы не только с точки зрения сохранения так называемого классического наследия (о чем уже сказано немало), но и с учетом трансляции духа новаторства и свободы, что, как нам кажется, определяет любой ренессанс не в меньшей степени, чем «возрождение» прошлого, и что отличает Македонский ренессанс от последующих византийских ренессансов.

М. Н. Бахматова

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
(Москва)*

Запад и Восток в философии истории Никифора Григоры и Л. Н. Толстого

Связь между византийской и русской духовностью и их противостояние западной латинской традиции является одной из наиболее плодотворных тем исследования последних двух столетий. В связи с этим хотелось бы сопоставить некоторые аспекты мировоззрения двух великих мыслителей второго тысячелетия нашей эры: русского писателя Л. Н. Толстого (1828–1910) и византийского историка XIV в. Никифора Григоры (прим. 1290/4–1359/61). Григора и Толстой, соответственно, в труде «Римская история» и романе-эпопее «Война и мир» описали два кризисных периода в истории «второго» и «третьего» Рима, когда «силы двенадцати языков» ворвались из Европы сначала, в ходе Четвертого крестового похода 1204 г., в Византию, а затем, в ходе наполеоновских войн в 1812 г., в Россию.

Оба автора, горячие патриоты своей родины, чувствовали потребность переосмыслить исторические события, поставившие под угрозу их отечество, понять глубинные причины трагических событий недалекого для них прошлого. Ключевым вопросом становится вопрос взаимоотношений между Западом и Востоком как культурно-антропологическими реалиями, и именно в данном контексте они размышляют над судьбой общества и государства, ролью личности в истории, природой власти, закономерным и случайным в историческом процессе, а также соотношением божественного провидения и человеческой свободы, – во многом предвосхищая в своих размышлениях последующие дискурсы гуманитарного и научного характера.

Лев Толстой, исследуя проблему причинности исторических явлений, поднимает вопрос о том, какая сила производит движение народов. При этом он вписывает события войны 1812 г. в контекст всемирной истории и с неизбежностью обращается к эпохе Крестовых походов, задаваясь вопросом о